

Козлов Федор Николаевич

ОТДЕЛЕНИЕ ЦЕРКВИ ОТ ГОСУДАРСТВА: РЕАЛИЗАЦИЯ ДЕКРЕТА СНК РСФСР ОТ 23 ЯНВАРЯ 1918 Г. В МАРИЙСКОМ, МОРДОВСКОМ И ЧУВАШСКОМ КРАЯХ

В статье рассматривается реализация в трех национальных регионах (Марийский, Мордовский и Чувашский края) одного из аспектов декрета СНК РСФСР от 23 января 1918 г. "Об отделении церкви от государства и школы от церкви". Анализируется ход процесса по отделению Церкви от государства, возникавшие проблемы и выбиравшиеся пути их разрешения.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2012/8-2/21.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2012. № 8 (22): в 2-х ч. Ч. II. С. 92-101. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2012/8-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

7. **Резолюция V Всемирного конгресса финно-угорских народов.** Ханты-Мансийск, 2008. 30 июня // Текущий архив Министерства международных связей.
8. **Третий Всемирный конгресс финно-угорских народов** (11-13 декабря 2000 года, г. Хельсинки, Финляндия). Йошкар-Ола, 2001.
9. **Финно-угорские народы России: вчера, сегодня, завтра** / отв. ред. А. К. Конюхов. Сыктывкар, 2008. 272 с.
10. **Финно-угорские народы России: генезис и развитие:** учебное пособие / АФУН РФ; НИИГН при Правительстве РМ; под ред. В. А. Юрченкова. Саранск, 2011. 224 с.
11. **Шабаев Ю. П., Чарина А. М.** Финно-угорский национализм и гражданская консолидация в России (этнополитический анализ). СПб.: Университет сервиса и экономики; ИЭА РАН, 2010. 275 с.
12. **Яналов В.** Финно-угорский мир: состояние, тенденции // Финно-угорский вестник. 1998. № 2. С. 8-15.

ALL-WORLD CONGRESSES OF FINNO-UGRIC PEOPLES IN THE CONTEXT OF SINGLE "FINNO-UGRIC WORLD" FORMATION

Vasilii Filippovich Kirdyashov, Ph. D. in Philosophy
Stanislav Aleksandrovich Mal'chenkov, Ph. D. in History
Department of Region Studies and Political Science
Mordvinian State University
stamal@yandex.ru

The authors study the history of the formation and development of cooperation between Finno-Ugric peoples in Russia and abroad at the end of the XXth – the beginning of the XXIst century, analyze the results of all five currently held All-World Congresses of Finno-Ugric Peoples, single out the main achievements in international Finno-Ugric cooperation development, and also mention the reasons of unsolved problems.

Key words and phrases: Finno-Ugric peoples; Finno-Ugric world; ethnos; super-ethnos; nation; national movement; Finno-Ugric studies; All-World Congress of Finno-Ugric Peoples.

УДК 2-672(470.40/43)“1918”

Исторические науки и археология

В статье рассматривается реализация в трех национальных регионах (Марийский, Мордовский и Чувашский края) одного из аспектов декрета СНК РСФСР от 23 января 1918 г. «Об отделении церкви от государства и школы от церкви». Анализируется ход процесса по отделению Церкви от государства, возникавшие проблемы и выбиравшиеся пути их разрешения.

Ключевые слова и фразы: Русская Православная Церковь; отделение Церкви от государства; гражданская метрикация; церковный брак; изъятие икон; ликвидация института Церкви как юридического лица.

Федор Николаевич Козлов, к.и.н.

Кафедра новейшей истории народов России

Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева

fedor1977@yandex.ru

ОТДЕЛЕНИЕ ЦЕРКВИ ОТ ГОСУДАРСТВА: РЕАЛИЗАЦИЯ ДЕКРЕТА СНК РСФСР ОТ 23 ЯНВАРЯ 1918 Г. В МАРИЙСКОМ, МОРДОВСКОМ И ЧУВАШСКОМ КРАЯХ[©]

Одной из самых обсуждаемых тем – как в обществе в целом, так и в научном сообществе в частности – в настоящее время является проблема взаимоотношений государства и Церкви. Существуют сторонники и противники включения Русской Православной Церкви в систему государственного аппарата, адепты и враги идеи суверенизации основных российских конфессий и множество усредненных взглядов. Поэтому изучение советского положительного и негативного опытов взаимодействия государства, Церкви и общества представляет практический интерес для гармонизации и оптимизации соотношения интересов различных сторон в организации духовной жизни социума.

С первых же дней советской власти был взят курс на исключение Церкви из государственной и общественной жизни. Одним из основополагающих нормативных актов советской власти в этой области стал Декрет СНК РСФСР от 23 января 1918 г. «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» [80].

Практические меры декрета по «отделению церкви от государства» касались целого комплекса вопросов, но прежде всего радикально преобразовали сферу регистрации актов гражданского состояния. 28 февраля 1918 г. Казанский Совет Народных Комиссаров приступил к ликвидации Казанской духовной консистории – регистрация браков, рождений и смертей, а также выдача свидетельств и выписок метрических книг были переданы в ведение губернского Комиссариата по внутренним делам, а на местах – в ведение Советов

[59, с. 165–166]. 10 июня 1918 г. на заседании Симбирского губернского исполкома было принято постановление о выполнении декрета «самым внимательным образом» и «немедленной сдаче церквями метрических книг» [29, д. 22, л. 58]. Постановлением Пензенского губернского исполкома от 2 сентября 1918 г. была утверждена структура уездных исполкомов, функции записи актов гражданского состояния были закреплены за отделами юстиции. Практически аналогичная структура уездных исполкомов была определена в Нижегородской, Симбирской и Тамбовской губерниях [106, с. 56].

Уездные Советы в свою очередь направили копии декрета волостным советам с требованием «об организации отделов о браке» и предложением «немедленно затребовать от всех духовных и административных учреждений, коим ранее были подведомственны регистрации браков, рождений и смерти, эти регистрационные книги» [18, д. 50, л. 27; 19, д. 29, л. 2]. Все церковные акты регистрации считались «незаконными». Некоторые руководители советских органов власти (например, Ядринского уезда Казанской губернии) требовали, чтобы даже отпевание осуществлялось только по особому разрешению местных отделов управления [45, д. 52, л. 77, 80, 84, 89].

По официальным отчетам, во исполнение предписания Казанского СНК отделы записи браков и рождений при уездных и волостных Советах в Чувашском крае были созданы в 1918 г. [61, с. 1]. В том же году отделы ЗАГС были организованы в мордовских уездах [81, с. 117, 385]. При этом следует отметить, что, например, в Саранском уезде Пензенской губернии при Коллегии юстиции первоначально были сформированы самостоятельные отдел по отделению Церкви от государства и отдел записей браков, рождений и смертей, но практически сразу в связи с передачей в Коллегию внутренних дел они были объединены [Там же, с. 385]. На марийских территориях отделы ЗАГС были образованы преимущественно в январе–марте 1919 г. [20, д. 13, л. 2–5, 9–11]. Однако не везде это соответствовало действительному положению дел: так, даже спустя год, например, отдел ЗАГС не был образован в Цивильской волости одноименного уезда и в Больше-Юнгинской, Троицко-Посадской, Татаркасинской волостях Козьмодемьянского уезда Казанской губернии [9, с. 140; 20, д. 13, л. 6, 7; 78].

Да и организовать работу новых отделов Советов практически с «нуля» оказалось трудным делом. Циркуляром Казанского окружного отдела ЗАГС от 6 августа 1919 г. исключительно на уездные отделы управления возлагалось ознакомление населения с Декретом об актах гражданского состояния¹ и проведение закона «неуклонным образом» [19, д. 63, л. 3]. Между тем, декларировав изъятие метрикации из ведения Церкви, советская власть не смогла обеспечить созданные органы ЗАГС соответствующими бланками и книгами для записи актов гражданского состояния. Показательна в этом плане ситуация, имевшая место в декабре 1918 г. в с. Большой Сундырь Козьмодемьянского уезда. К председателю исполкома Татаркасинской волости заявили две молодые пары, решившие «пожениться», «венчаться по-советски». Председатель на предложение зарегистрировать их лишь развел руками: в аппарате исполкома никто не занимался такими вопросами, никаких бланков для регистрации гражданских браков не было. Тогда, как вспоминал направленный Казанским губернским комитетом партии в уезд «для проведения на селе организационно-политической работы» М. Г. Булочников, «пришлось на ходу придумывать форму брачного документа» [9, с. 140]. Только с 1921 г. Центральное статистическое управление стало печатать регистрационные книги для Центрального отдела ЗАГС, а последний распределял их по губерниям [5, с. 7].

Немаловажной проблемой также было отсутствие грамотных технических работников. Поэтому зачастую на местах за ведение актов гражданского состояния при Советах отвечали те же самые священнослужители, которые ранее вели записи метрических книг. Так, в анкете священника В. М. Михайлова, представленной при регистрации Алдиаровского религиозного общества Янтиковской волости Цивильского уезда Казанской губернии, отмечено, что он «местным сельским Советом мобилизован вести регистрацию родившихся и умерших» [37, д. 36, л. 17 об.]. Два священнослужителя и диакон работали в качестве технических работников в Мариинско-Посадском Совете [74, ед. хр. 418, инв. № 1063, л. 38, 253]. Сведения по учету церквей и анкеты служителей культа по Ядринскому уезду за 1921 г. свидетельствуют, что два священника в Ядринской и Тораевской волостях находились на службе в волисполкомах, занимая должности делопроизводителей по подотделам записей актов гражданского состояния [37, д. 40, л. 35].

Следует отметить, что представители духовенства и другие образованные граждане из числа «бывших» в качестве канцелярских работников активно использовались практически на всех уровнях государственного управления. В отдельных случаях это делалось в принудительном порядке. Например, в апреле 1920 г. на совместном заседании представителей комитета РКП(б), волисполкома, отдела народного образования, районного продовольственного комитета и советской милиции Малоальчиковской волости Тетюшского уезда Казанской губернии «в целях обеспечения советских учреждений канцелярскими служащими» милиции было поручено через сельсоветы произвести регистрацию граждан, знакомых с делопроизводством, и привлечь их к работе [102, д. 65, л. 12]. Конечно, в число «знакомых с делопроизводством» попали и лица духовного звания.

При этом власти закрывали глаза на допускавшиеся нарушения закона, когда действующий «духовный пастырь» или члены его семьи одновременно являлись ответственными работниками той или иной «конторы». Так, на рубеже 1910–1920-х и в начале 1920-х годов псаломщик Г. Виноградов исполнял обязанности

¹ Под таким названием декрет «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» встречается в ряде архивных документов (см., например, [20, д. 63, л. 3]).

делопроизводителя Норусовского волысполкома Ядринского уезда, священник К. М. Никишев занимал должность заведующего хозяйственной частью Красночетаевских педкурсов, священник М. С. Спиридонов работал счетоводом в кооперативе Старо-Арабосинской волости Цивильского уезда, священник был председателем кредитного товарищества кооператива Козловской волости Ардатовского уезда Симбирской губернии, священник с. Китки Уржумского уезда Вятской губернии был одним из руководителей местного общества мари, дочери священников работали инструктором-школьником, инструктором-внешкольников и канцеляристкой Козьмодемьянского уездного отдела народного образования, сын священника с. Макманур работал секретарем народного суда Ернурского района Оршанского кантона Марийской автономной области [7; 17, д. 33, л. 14–15; 37, д. 39, л. 12; 44, д. 347, л. 64; 81, с. 24; 99, с. 143].

Более того, нередко священнослужители были своего рода «двигателями» работы различных государственных, общественных и кооперативных структур. Например, мобилизация Ревкомом Чувашской АО в качестве делопроизводителя священника Н. К. Кузмина, состоявшего председателем Юськасинского кредитного товарищества Ядринского уезда и участковым инструктором Союза кредитных кооперативов и трудовых артелей Казанского края, привела к фактической остановке «заготовки сырья и лаптей, поставляемых Союзом для нужд армии и государства» [34, д. 1, ч. 1, л. 169].

В анкетах, которые в конце 1910-х – начале 1920-х годов в обязательном порядке заполнялись лицами духовного звания при регистрации религиозного общества, имелись специальные графы: «отношение к советской власти» и «отношение к декрету об отделении церкви от государства и школы от церкви». Отвечая на последний вопрос, многие священнослужители указывали «сознательно» и «приветствую» [37, д. 36, л. 15 об., 16 об.]. Некоторые, как например, преподаватель Царевококшайской русско-черемисской учительской семинарии священник М. Ф. Токмурзин, заявляли, что «определенной политической партийной программы» не имеют, но «искренне желают служить родной школе» [72, с. 27]. Это в определенной степени контрастирует с резкой позицией, занятой сразу после принятия декрета иерархами Русской Православной Церкви. Так, согласно «Постановлению Святейшего Патриарха Тихона и Священноного Синода о деятельности церковно-административного аппарата в условиях новой государственной власти», определялось, что «впредь до особых распоряжений церковной власти надлежит неукоснительно вести записи в метрические книги актов рождения, бракосочетания и смерти по принятому порядку» [3, с. 97].

Объяснение, на наш взгляд, заключается в следующем: реализация декрета пусть шатко-валко, но неуклонно продолжалась, и духовенство на местах вынуждено было подстраиваться под текущий момент, чтобы сохранить контакты с паствой, обеспечить себе рычаги влияния. Кроме того, несомненно, влияла на принятие решений и собственная жизненная позиция того или иного священника.

«Сословие молящихся» никогда не было однородно ни по составу, ни по духу. Приведем несколько характерных примеров, иллюстрирующих это утверждение. В 1916 г. Казанской духовной консисторией рассматривалось дело священника с. Чурадники Цивильского уезда Н. М. Кондратьева, обвиняемого в «произношении оскорбительных слов против императора и правительства» [75, д. 91, л. 1–23]. Среди левых эсеров, пользовавшихся в 1917–1918 годах значительной популярностью в Мордовском крае, следует назвать священника с. Резоватово Лукояновского уезда Нижегородской губернии Ф. С. Федотова, за активную революционную деятельность даже лишенного сана [1, с. 114]. Священник с. Карамышево Чебоксарского уезда Казанской губернии И. М. Максимов в 1919 г. сам отказался от духовного звания, предпочтя преподавательскую и научную деятельность (впоследствии он – один из первых из чувашей кандидат физико-математических наук) [103, с. 14]. В том же году отказался от сана священник с. Уньжи Царевококшайского уезда Казанской губернии Т. Е. Ефремов, уже через год ставший кандидатом в члены РКП(б), а позднее весьма плодотворно проявивший себя на литературной стезе и в сфере фольклористики. «Бросили» священническую и вернулись к учительской работе братья Филипп и Федор Букетовы, уроженцы д. Малый Кулеял Царевококшайского уезда [4, с. 7–8]. «Ушел» из Церкви и псаломщик с. Сумки Васильского уезда Нижегородской губернии В. А. Казаков, в поисках «лучшей доли» вступивший в РК(б), а затем ставший первым председателем местного колхоза [65, с. 57].

Вместе с тем нельзя отрицать того факта, что, официально декларируя лояльность к мероприятиям советской власти, многие священнослужители оставались противниками всех нововведений. Так, духовенство Козьмодемьянского уезда в начале 1918 г. сначала выступало с «политическими речами» (критикой местного Совета и призывами не подчиняться ему), а затем организовало в городе антисоветский крестный ход [99, с. 66; 100, с. 16]. В 1919 г. в Ардатовском уезде имели место случаи отказа священнослужителей от проведения молебнов по приглашению учителей [28, д. 6, л. 99].

Если в принципе не должна была удивлять жесткая позиция Русской Православной Церкви, то неожиданной для властей оказалась реакция крестьянства на попытку одномоментного обмирщения традиционного уклада жизни. Собираемые уездными отделами управления сведения «о проведении в жизнь закона об актах гражданского состояния» и «случаях нарушения населением ст. 19 и 32 Кодекса гражданской регистрации» не давали особых поводов для бодрых рапортов [18, д. 50, л. 102]. Внедрялись новые формы коммунистического быта в основном среди партийцев и сочувствующих им. Так, в 1918–1919 годах первые случаи регистрации детей в органах ЗАГС (без крещения), свадеб без соблюдения церковных обрядов и похорон без отпевания были зафиксированы в сельскохозяйственной коммуне «Коммунистический труд» д. Старое Качаево Больше-Игнатовской волости Ардатовского уезда. Однако они вызвали «немалое удивление» со стороны прочего населения [88, с. 277–278]. Если ранее крестьянство поддержало отчуждение монастырско-

церковной собственности, то в отношении введения гражданской метрикации сельский социум отреагировал в целом негативно, в лучшем случае оставляя «церковный вопрос» открытым [42, д. 19, л. 40 об.]. В. И. Ленин, выступая на I Всероссийском съезде работниц, подчеркнул, что «в городах и фабрично-заводских местах этот закон о полной свободе брака прививается хорошо, а в деревне это часто-часто остается на бумаге. Там до сих пор преобладает церковный брак» [67, с. 186]. Не способствовало отказу сельского населения от церковного брака то обстоятельство, что советские ЗАГСы, подобно дореволюционным учреждениям, за регистрацию актов гражданского состояния взимали плату [22, д. 142, л. 79]. Привыкшие считать каждую копейку, крестьяне не видели в этом отношении особой разницы между новыми и старыми порядками, зато за прежними формами стояли вековые традиции. Поэтому прихожане даже в конце 1920-х годов готовы были платить и платили за совершение культовых обрядов [14, д. 10, л. 1–137].

В деревне 1920-х годов были многочисленны случаи, когда, называя себя «безбожниками», крестьяне следовали бытовым нормам православия, ревностно исполняли религиозные обряды. «Я в Бога не верю, но... не хочется нарушать дедовских обычаев», – заявил лектору-пропагандисту Я. Андрееву крестьянин д. Караклы Цивильского уезда; «хожу в церковь... на всякий случай», – типично объясняли свои действия такие крестьяне-«безбожники» [26, д. 35, л. 55; 71, с. 116]. Характерным явлением крестьянских выступлений в 1921 г. в Чувашской АО было уничтожение документов волисполкомов и других советских учреждений, тогда как метрики и акты гражданского состояния «строго охранялись», во многих волостях (Яниково-Шоркисринской, Арабосинской, Шибылгинской, Янтиковской, Чуратчикской, Старо-Тябердинской и др.) они переносились из органов ЗАГС обратно в церкви [27, д. 11, л. 1; 74, ед. хр. 2027, инв. № 8032, л. 47].

На наш взгляд, причины отрицательного отношения крестьянства к гражданской метрикации следует искать в особенностях христианизации чувашского и марийского народов. Чуваши, мари и другие новокрещены, став православными в правовом плане, преимущественно усвоили бытовые черты православия, а не сложную религиозную догматику. Современники отмечали, что «хотя население давно приняло православие, оно совершенно не знало сущности христианского учения, а восприняло только его обрядовую сторону» [55, д. 43, л. 3]. И именно обрядовую сторону (крещение, венчание, отпевание) тяжело было преодолеть новой власти.

Несколько отличной была ситуация в мордовских землях, поскольку, как отмечали В. М. Кабузан и многие другие авторы, территории, населенные мордвой, еще в XIII–XV веках оказались в сфере политических и экономических интересов рязанских и нижегородских князей, а в последующем и московских правителей, что обусловило более ранние и тесные этнокультурные взаимоотношения с русскими [96, с. 434–436]. Поэтому, на наш взгляд, можно согласиться с утверждением П. П. Седойкина, что часть мордвы восприняла православие стихийно, от издавна проникающего в ее среду русского населения еще до вхождения в состав Русского государства [93, с. 32]. Более того, в протоколах совещаний подотдела национальных меньшинств агитационно-пропагандистского отдела Нижегородского губкома ВКП(б) середины 1920-х годов отмечалось отсутствие стремления к родному языку и тот факт, что хотя мордва находится «не в полной мере на пути русификации», но у нее «нет и желания мордвинизироваться» [58, д. 5077, л. 4, д. 5084, л. 27, д. 5985, л. 4; 82, с. 125].

Несмотря на принятые властью запретительные меры, в преимущественно крестьянских мордовских, чувашских и марийских уездах церковный брак продолжал играть весомую роль. Специализированный журнал «Революция и церковь» отмечал, что в губерниях почти повсеместно наблюдалось несочувственное отношение населения к организации в волостях отделов гражданской регистрации, в частности, к передаче в эти отделы книг записей. Часто это являлось единственным вопросом, в котором местное население расходилось с властью [90, с. 35]. Так, с «большими затруднениями» удалось в 1918–1919 годах провести в жизнь решение об отбирании из церквей метрических книг в Ардатовском уезде, причем ввиду «эксцессов со стороны духовенства» (причты отказывались от сдачи книг) приходилось неоднократно прибегать к содействию Чрезвычайной комиссии [81, с. 117]. Легко, «без всякого сопротивления» удалось отобрать метрические книги из церквей г. Саранска (чему в немалой степени способствовало совещание представителей Коллегии внутренних дел со священниками и представителями церковно-приходских советов), однако в некоторых волостях уезда (Кочкуровской, Салминской и Воеводской) крестьяне «отказывали в отобрании метрических книг от причтов», и вопрос разрешился только после заключения «виновных» в тюрьму [Там же, с. 385–386]. На заседании Буинской организации сочувствующих РКП(б) в сентябре 1919 г. было принято решение «религиозные обряды среди сотрудников считать допустимыми», общее собрание беспартийных женщин с. Шихраны Шихазановской волости Цивильского уезда 7 июня 1920 г. постановило «книги метрик оставить в церкви» [23, д. 65, л. 6 об.; 74, ед. хр. 443, инв. № 1190, л. 66]. В начале 1920-х годов марийские крестьяне с прошениями «женить своего недостигшего совершеннолетия сына» или «разрешить вторично вступить в брак» обращались не в советские ЗАГСы, а в Вятский или Казанский епархиальные советы [11, д. 33, л. 7, 17, 19; 12, д. 97, л. 2].

Местные власти под давлением обстоятельств вынуждены были идти на половинчатую реализацию декрета. Так, несмотря на циркуляр Царевококшайского уездного Совдепа от 24 апреля 1918 г. «немедленно» затребовать от всех духовных учреждений регистрационные книги браков, рождений и смерти [19, д. 29, л. 1], например, из Введенской церкви с. Шатов указанного уезда волостным отделом ЗАГС были конфискованы только копии с метрических книг [13, д. 1, л. 25]. В Ардатовском уезде метрические книги были изъяты из церквей, но причтам не возбранялось ведение записей для «чисто церковных» целей [81, с. 116–117]. В январе 1919 г. Тархановский волисполком Буинского уезда Симбирской губернии принял решение о передаче метрических книг «как предназначенных для статистических сведений чисто гражданского характера» сельским советам и вместе с тем разрешил верующим «совершать у своего духовенства все религиозные обряды и вести свои записи при церквях» [56, д. 34, л. 13].

В результате подобных компромиссных решений в Шемуршинской волости Батыревского уезда Чувашской автономной области прием-передача метрических книг от священников церквей Шемуршинского, Малолячиковского и Чепкасинского приходов в отдел ЗАГС состоялись только в 1922 г.; метрические книги церквей г. Алатыря были приняты Столом ЗАГС только в январе 1924 г. [47, д. 210, л. 168–172; 50, д. 18, л. 2–4, 8]. В метрических книгах ряда сел Буинского, Казанского, Курмышского, Царевококшайского, Чебоксарского, Уржумского, Ядринского и Яранского уездов встречаются довольно многочисленные записи за 1919–1920 годы и отдельные записи за 1921–1927 годы [14, д. 19, 20; 15, д. 15, 22, 30, 39, 224, 312, 320, 327; 30, д. 126, 139; 31, д. 23; 32, д. 209, 219; 33, д. 401, 407, 423, 425, 427, 429, 436, 440].

Нельзя не отметить, что свой отпечаток на взаимоотношения гражданской и церковной метрикаций наложил и голод 1921–1922 годов. Так, в Царевококшайском уезде многие из жителей не сообщали о смерти своих родственников или соседей в местные подотделы ЗАГС, но, видимо, исправно приглашали духовенство для исполнения погребальных обрядов. В результате по ходатайству некоторых волостных подотделов ЗАГС священнослужителям было разрешено «производить все смерти, вменив им в обязанность о ежемесячном доставлении сведений» в государственные органы регистрации [16, д. 45, л. 25, 67–85].

Только с 1922 г., по данным статистики, население деревни для заключения брака стало активно обращаться наряду с духовенством в органы советского управления, в отделы ЗАГС [98, с. 22]. Однако в Чувашской АССР вопрос об исполнении церковных обрядов поднимался даже на первых районных съездах Советов. Любопытно при этом отметить, что в Поречском районе злободневным оказался вопрос, может ли священник венчать недостигших брачного возраста? Видимо, вызвано это было подобными фактами, имевшими место в с. Полибино [8, с. 12; 54, д. 3, л. 7 об.]. Даже в последующие годы священнослужители продолжали фиксировать акты гражданского состояния своих прихожан. Так, в книге записи брачных доходов Богоявленской церкви с. Русских Шой Уржумского уезда имеются записи о получении денег за крещение, причащение и погребение младенцев, за брак, за отпевание и т.п. за 1929–1935 гг. [14, д. 10, л. 1–137], в метрической книге с. Кукнур Сернурского района Марийской АССР за 1940 г. зафиксировано 1155 крещений и не меньше отпеваний [2, с. 87].

Одним из актов осуществления отделения Церкви от государства было изъятие икон и прочих религиозных атрибутов из советских учреждений. Исполнение этой нормы декрета должно было произойти в духе эпохи – быстро и решительно. В резолюции, принятой на состоявшемся 19–21 сентября 1918 г. съезде учителей Темниковского уезда Тамбовской губернии, содержалось требование «сделать распоряжение, чтобы иконы были сняты и обряды религиозного культа в школе не исполнялись» [105, с. 167]. В Козьмодемьянском уезде Марийского края, согласно отчету местного отдела по народному образованию, картины и другие изображения, имеющие отношение к культу, из школ были «устранены» уже с начала 1918–1919 учебного года [21, д. 136, л. 3 об. – 4]. В Чувашии этот процесс начался позднее. Например, только 7 декабря 1918 г. Ядринский уисполком распространил волостным совдепам распоряжение о немедленной приемке в свое распоряжение всех религиозных изображений от государственных, общественных, а также железнодорожных учреждений; аналогичное распоряжение хозяйственному отделу издал 9 февраля 1919 г. исполком Алатырского городского Совета [38, д. 52, л. 35; 47, д. 66а, л. 239].

Уже сами по себе названные хронологические даты свидетельствуют о кризисе предпринятой «кавалерийской атаки» на религию и Церковь. Конечно, надо принимать во внимание, что большевизация уездных и волостных Советов Мордовии и Марийского края произошла в основном к концу лета 1918 г. [84, с. 75; 85, с. 68; 92, с. 21], а в Чувашии эсеровские организации играли роль первой скрипки в некоторых местных Советах вплоть до конца 1918 г. [60, с. 33]. Немаловажным фактором явились и активные боевые действия в Среднем Поволжье, развернувшиеся с лета 1918 г. Захват Чехословацким корпусом Казани, вспыхнувшие в ряде мест (Царевококшайск, Козьмодемьянск, Яранск, Ардатовский и Алатырский уезды и др.) выступления против советской власти привели к прекращению деятельности некоторых местных Советов [63, с. 46; 95, с. 124–125]. Поэтому первые нормативно-правовые акты местных органов управления об изъятии культовой атрибутики из учреждений и организаций появились только в декабре 1918 г. – феврале 1919 г.

Вместе с тем стоит отметить, что органы местного управления, видимо, не имели четких директив о распоряжении полученным из государственных и общественных учреждений культовым имуществом. Так, исполком Алатырского городского Совета постановил передать изъятые религиозные предметы в приходские советы церквей, а распоряжением Ядринского уисполкома всё имеющее ценность культовое имущество было передано местному казначейству, остальное – оставлено в ведении местного Совета [38, д. 52, л. 35; 47, д. 66а, л. 239].

Ситуация на местах и в 1919 г. не отражала кардинального перелома в «борьбе за умы». Так, в апреле отдел народного образования Богородского волостного совдепа просил Чебоксарский уездный отдел народного образования прислать агитатора для разъяснения гражданам волости «об отделении школы от церкви», т.к. среди крестьян шло «брожение за повешение икон в школах (в особенности среди русского населения)»; в протоколе общего собрания Буинской организации коммунистов отмечалось, что следует «иконы в школах оставить, т.к. крестьянство еще темное и в высшей степени религиозно, почему могут быть на советскую власть нехорошие мнения со стороны крестьян» [38, д. 12, л. 370; 83, с. 351]. Разошлись во мнениях «граждане» с. Сутяжного Кувакинской волости Алатырского уезда и «родители учащихся» Сутяжнинского начального училища: первые постановили «об удалении всех изображений религиозного культа из общественных заведений и школьных помещений», вторые заявили, что «не будут пускать детей в школу» и «приказали оставить икону на месте» [46, д. 83, л. 18, 22].

Как правило, местные власти при разрешении возникающих проблемных ситуаций пытались строго следовать букве закона. Так, категорическим отказом ответил в декабре 1918 г. отдел управления Цивильского уездного исполкома в ответ на прошение Хормалинского волостного Совдепа «оставить в учреждениях религиозные изображения»: «В государственных учреждениях места каким бы то ни было религиозным изображениям быть не может, а потому *немедленно (выделено нами – Ф. К.)* убрать» [41, д. 16, л. 13–14]. Разослав на места грозные предписания об удалении из советских учреждений религиозных изображений, отделы управления уездных исполкомов требовали их четкого исполнения. Так, что «никаких религиозных изображений не имеется», отчитались, например, Цивильский уездный совет народных судей, Цивильский уездный земельный отдел и др. [Там же, л. 3, 7]. Видимо, далеко не все и далеко не везде беспрекословно следовали «духу революционного времени». Местным органам управления приходилось издавать новые распоряжения о выполнении норм декрета об отделении школы от Церкви. Например, в 1919 г. распоряжением Кошелевского волостного совета Цивильского уезда учительнице Крестниковской начальной школы было предписано «*немедленно предоставить (выделено нами – Ф. К.)* сюда все религиозные изображения, находящиеся в Вашей школе» [51, д. 3, л. 16].

Однако жесткие директивные указания мало способствовали изменению текущего положения дел. Зачастую предписания органов управления так и оставались пустым звуком. Здесь, на наш взгляд, четко проявляется одна из особенностей крещения поволжских «инородцев», когда важной чертой религиозности следует называть православное обрядоверие. В представлении, в частности, чувашей XIX – первых десятилетий XX века икона отождествлялась с Богом, на что обращали внимание многие церковные и светские авторы. Так, на «уважение» и «почитание» икон за божеств указали укрывшийся за инициалами «С. М.» автор «Сотрудника» (издания «Братства святителя Гурия»), священник В. Смелов, профессор-миссионер Е. А. Малов и др. [69, с. 69; 89, с. 7; 91, с. 783–784; 94, с. 533]. В очерках Н. Каменского, А. Лепешинской и Б. Добрынина зафиксировано, что икону чуваша называли «Богом угла» и поворачивали ее лицом к стене, когда хотели совершить что-нибудь грешное, например, поест в пост скоромного, а священник Н. Архангельский в краткой этнографической заметке описал, как чуваша в ряде случаев даже выкалывали у лика глаза [64, с. 13; 68, с. 93; 73, ед. хр. 572, инв. № 7006, л. 9 об.].

Поэтому, несмотря на многократные указания органов народного просвещения, в начале 1920-х годов иконы оставались в образовательных заведениях и учреждениях культуры. Так, в докладе заведующего партийно-советской школой по результатам инспекции школ Цивильского уезда в декабре 1920 г. отмечено наличие икон в школах с. Тувси и д. Тюнзер; инструктор женотдела Чувашского обкома партии А. Ф. Ванеркке после посещения школы-коммуны им. III Интернационала в Чебоксарах в октябре 1922 г. писала, что во всех кабинетах, в столовой и в классных комнатах висят иконы, «мне уже начало казаться, что я не в школе-коммуне им. III Интернационала, а в каком-то духовном училище» [24, д. 164, л. 72 об.; 39, д. 20, л. 6 об. – 7]. Краевед А. И. Терентьев, вспоминая детские годы, отмечал, что в школу пошел в 1921 г., и первые два года «в переднем углу класса находилась икона», и «учительница читала нам жития святых»; только присланный на третий год из волости учитель «первым делом убрал икону» [97, с. 4]. Укрывшийся под псевдонимом «П.» автор публикации на страницах газеты «Чувашский край» сообщал, что в Шемуршинском волисполкоме «в углу красуется образ Божьей Матери», а в Шемалаковской волости в различных учреждениях он насчитал «девять образов различных святых и чудотворцев и плюс ко всем еще один портрет какого-то Патриарха» [86, с. 2].

Следует отметить, что вывешивание в зданиях волостных советов икон было характерным явлением крестьянских выступлений в 1921 г. в Чувашской автономной области. Подобные факты зафиксированы в Янгильдинской и Тогашевской волостях Чебоксарского уезда, Янтиковской, Кошелевской и Яниково-Шоркисринской волости Цивильского уезда [24, д. 33, л. 19–24; 40, д. 10а, л. 1–7; 49, д. 143, л. 97 – 98 об.; 74, ед. хр. 719, инв. № 2468 (1), л. 1 – 7 об.]. Показательным надо назвать факт, когда в Кошелевской волости Цивильского уезда татары принесли в «волостное правление» икону из часовни; при установке иконы на место в здании исполкома татары вымыли руки снегом, по-своему перекрестились, и один из них сказал: «Русский Бог, сиди на месте, больше большевики тебя не тронут» [74, ед. хр. 2027, л. 81]. Отдельные случаи наличия икон в учреждениях отмечены в середине 1920-х и начале 1930-х годов. Так, икона висела на «видном месте» в избе-читальне с. Малый Сундырь Козьмодемьянского уезда [6, с. 5], по данным обследования, проведенного специалистами Наркомата здравоохранения Чувашской АССР в 1934 г., икона находилась в детских яслях с. Тобурданово Канашского района [62, с. 5].

Ничего удивительного, на наш взгляд, в этом не было, поскольку «святые лики» и другие религиозные изображения находились даже у членов партии. Причем это были далеко не единичные факты, а явления массового порядка [23, д. 7, л. 226; 25, д. 30, л. 48]. «Объяснения», которые давали согрешившие коммунисты, поражают своей простотой. Например, председатель Сятра-Маргинского сельсовета Чебаевской волости Цивильского уезда заявил, что сельчане давно перестали верить в Бога, а икона висит «вместо картины» [76, с. 7].

Еще одной проблемой, поставленной декретом «Об отделении церкви от государства и школы от церкви», стала реализация пункта о лишении церковных и религиозных обществ прав юридического лица. В этом, по мнению современных исследователей, заключалось кардинальное отличие декрета СНК от подобного законодательства европейских стран, в частности, Франции [104, с. 73–74]. В европейских странах основной целью разделения было «освободить религию от прямого государственного вмешательства и жесткого регулирования». Провозглашая автономию Церкви, государство сохраняло за ней права юридического лица, тем

самым подчеркивая ее самостоятельность. Изначальной причиной и целью акта отделения Церкви от государства в России была замена господствующей религии на не менее господствующую идеологию, переход к атеистическому государству. Этим и объясняется поражение Церкви в материальных правах [10].

Однако ликвидация института Церкви как юридического лица поставила проблему оформления многочисленных общин верующих в каких-то новых формах. Возникшая необходимость регулирования места религиозных объединений (в частности, прежних приходов) в новых политической, экономической и социальной системах общества привела к разработке комплекса подзаконных нормативных актов: инструкции о порядке проведения в жизнь декрета об отделении церкви от государства и школы от церкви, инструкции по регистрации религиозных обществ и их уставов в НКЮ и НКВД [78; 79]. Реализация указанных нормативных документов шла «рука об руку». Так, в июле 1920 г. Чебоксарская уездная комиссия по отделению церкви от государства объявила о необходимости «немедленно» образовать при всех храмах, молитвенных домах и пр. общины верующих числом не менее 20 человек, в ведение которых передавались культовые здания и всё необходимое для обслуживания религиозных потребностей верующих имущество [36, д. 83, л. 3].

Казанская губернская комиссия в направлении в 1920 г. в уезды разъяснении по проведению в жизнь декрета СНК РСФСР от 23 января 1918 г. определила срок для реализации данной нормы декрета с 15 мая по 15 июля 1920 г. [18, д. 121, л. 64]. Однако осуществить регистрацию религиозных обществ в такой короткий срок местные органы управления не смогли, процесс регистрации религиозных обществ растянулся до середины 1920-х годов [18, д. 10, 36, 39-48, 154-161, 163, 315-325; 44, д. 246; 48, д. 19, 21, 22, 39; 52, д. 54, 55]. Причем в отдельных случаях, например, по Ронгинской волости Краснококшайского кантона, законодательные нормы выполнялись только по требованию суда [22, д. 144, л. 1].

Вместе с тем далеко не везде процедура регистрации религиозных обществ прошла успешно. Данный пункт декрета об отделении церкви от государства провести в жизнь не удалось в ряде селений Ядринского уезда (Ямашево, Кошлоуши и др.). Прихожане от принятия церкви и заключения договора отказались, мотивируя тем, что «церковь принадлежит им», «мы до сего времени жили без контрактов и в дальнейшем будем жить и... имущество церковное и так будем хранить, а контракт ни в коем случае не дадим» [44, д. 139, л. 21–22, 42]. В Царевококшайском уезде, по данным информационно-инструкторского подотдела уездного Совдепа, не было заключено ни одного контракта между исполкомами и группами лиц, изъявившими желание иметь церковные приходы, в то время как богослужения проводились в 31 храме [101, д. 216, л. 55]. Настоятель Покровской церкви с. Ронги Краснококшайского уезда утверждал, что культовое сооружение «никому не передано, а находится в ведении народа»; «не видно», по сообщению священника Алексеевской церкви с. Чкарино того же уезда, и какого-либо договора верующих граждан при отделении церкви от государства [22, д. 144, л. 21, 28]. В силу названной причины ряд религиозных обществ (кроме вышеуказанных назовем еще и Ягунькинское религиозное общество Атаевской волости Ядринского уезда) существовал в незарегистрированной форме [37, д. 314, л. 39].

Следует отметить и еще одну проблему, вызванную реализацией декрета на местах. Она проявилась и обострилась не сразу, а во второй половине 1920-х годов, когда начал набирать массовость процесс закрытия церквей. Так, согласно законодательному акту, необходимое для обслуживания религиозных потребностей церковное имущество должно было по договорам передаваться группам верующих действующих храмов. При регистрации религиозных обществ обязательной частью пакета документов были описи передаваемого общине верующих имущества [18, д. 10, 36, 39, 40-48, 154-161, 163, 315-325; 44, д. 246; 48, д. 19, 21, 22, 39; 52, д. 54, 55]. Как правило, в случае закрытия культового здания собственно церковные принадлежности передавались другой религиозной общине. Так, Управлением милиции г. Цивильска Чувашской АССР в январе 1926 г. местной православно-религиозной группе было передано имущество бывшего Цивильского женского монастыря (облачения, лампы, иконы и т.п., а также дореволюционные книжки Государственной сберегательной кассы и страховые квитанции о страховании от огня в «Госстрахе») [43, д. 313, л. 3–34, 46–59, 70].

Однако следует отметить, что имели место случаи передачи богослужебного имущества для организации театральных постановок (так, при закрытии Чебоксарского Троицкого мужского монастыря Наркомат просвещения Чувашской АССР для постановки пьесы «Последние дни Булгарского царства» получил митру, кресты, ризы, епитрахиль, украшения с двух икон Богоматери, церковные предметы и «забрал» принадлежности храма с. Именево заведующий Цивильским уездным политпросветом М. Ф. Юрьев, «неиспользованную церковную одежду, утварь и прочее» из имущества государственного фонда выделили Мордовскому национальному театру [52, д. 53, л. 118/178 (*в деле двойная нумерация листов – Ф. К.*); 57, д. 10, л. 51; 66, с. 230]), а также продажи такого имущества с торгов (например, в апреле 1927 г. Президиум Чебоксарского уездного исполкома принял решение о продаже с торгов иконостаса и других принадлежностей бывшей Аползинской церкви [53, д. 33, л. 218]). В 1930-е годы иконы и прочая утварь из закрытых церквей передавались в школы, где использовались как подручные средства для организации учебного процесса: алтари превращались в подиумы у классной доски [70, с. 27], а в качестве последней применялись иконы [93, с. 40]. В других случаях иконы могли превратиться в дрова для отопления школьных помещений в зимний период (с. Сумки Юринского кантона Марийской АО) [65, с. 91] или просто сожжены «за ненадобностью» (с. Яндашево Мариинско-Посадского района Чувашской АССР) [87, с. 26].

Подводя итог рассмотрения реализации одного из концептов Декрета СНК РСФСР от 23 января 1918 г. «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» на территории трех национальных областей Поволжья, отметим следующее. Конечным результатом проведения декрета стали воплощенные в жизнь с той

или иной степенью полноты многоаспектные процессы, направленные на ограничение влияния Церкви. Осуществленным комплексом мероприятий была резко сужена компетенция церковных институтов и понижен юридический статус самой Церкви. Однако нормы декрета в отличие от ранее принятых законодательных актов (например, декрета о земле) затронули разные сферы жизни социума, в том числе и такие, к нововведениям в которых часть общества (прежде всего, крестьянство) оказалось не готово. При этом на местах зачастую не учитывалась национальная специфика, сформировавшиеся особенности уклада религиозной жизни «инородцев». Результатом подобной политики стала необходимость разработки целого ряда подзаконных актов, регулирующих решение той или иной порожденной декретом проблемы, а также хронологическая растянутость реализации декрета. Причем в ряде случаев властям приходилось идти на компромиссное решение, чтобы избежать нагнетания ситуации и всплеск недовольства граждан.

Список литературы

1. **Абрамов В. К.** Мордовский народ (1897–1939 гг.). Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 1996. 412 с.
2. **Абызова Э. Б.** История закрытия ряда церквей в Республике Марий Эл // Христианское просвещение и русская культура: материалы VIII науч.-богослов. конф. Йошкар-Ола, 2005. С. 82–88.
3. **Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти. 1917–1943 гг.** / сост. М. Е. Губонин. М.: Изд-во Православного Свято-Тихоновского Богословского института, 1994. 1064 с.
4. **Александров Н. А.** Врата судьбы. Йошкар-Ола: Стринг, 2004. 132 с.
5. **Алякринский.** Гражданская метрикация // Власть Советов. 1922. № 1–2. С. 5–7.
6. **Аргус.** Похождения Дубинушки // Марийская деревня. 1925. 1 апреля.
7. **Аргус.** Похождения Дубинушки // Марийская деревня. 1925. 11 апреля.
8. **Бор. Поречанин.** О священнике–мошеннике // Кочедык. 1929. № 15–16.
9. **Булочников М. Г.** Записки участника трех революций. Чебоксары: Чуваш. гос. изд-во, 1961. 180 с.
10. **Бурьянов С. А.** Свобода совести и светскость государства в России: историко-правовой аспект [Электронный ресурс] // Научный атеизм. URL: <http://www.atheism.ru/lci/analys/?id=36> (дата обращения: 21.05.2007).
11. **Государственный архив Республики Марий Эл (ГА РМЭ).** Ф. 22. Оп. 1.
12. **ГА РМЭ.** Ф. 88. Оп. 1.
13. **ГА РМЭ.** Ф. 183. Оп. 1.
14. **ГА РМЭ.** Ф. 200. Оп. 1.
15. **ГА РМЭ.** Ф. 305. Оп. 4.
16. **ГА РМЭ.** Ф. Р–9. Оп. 1.
17. **ГА РМЭ.** Ф. Р–39. Оп. 1.
18. **ГА РМЭ.** Ф. Р–110. Оп. 1.
19. **ГА РМЭ.** Ф. Р–111. Оп. 1.
20. **ГА РМЭ.** Ф. Р–238. Оп. 1.
21. **ГА РМЭ.** Ф. Р–262. Оп. 1.
22. **ГА РМЭ.** Ф. Р–269. Оп. 1.
23. **Государственный архив современной истории Чувашской Республики (ГАСИ ЧР).** Ф. П–1. Оп. 1.
24. **ГАСИ ЧР.** Ф. П–1. Оп. 2.
25. **ГАСИ ЧР.** Ф. П–1. Оп. 3.
26. **ГАСИ ЧР.** Ф. П–1. Оп. 7.
27. **ГАСИ ЧР.** Ф. П–9. Оп. 3.
28. **Государственный архив Ульяновской области (ГАУО).** Ф. Р–190. Оп. 1.
29. **ГАУО.** Ф. Р–200. Оп. 2.
30. **Государственный исторический архив Чувашской Республики (ГИА ЧР).** Ф. 557. Оп. 3.
31. **ГИА ЧР.** Ф. 557. Оп. 5.
32. **ГИА ЧР.** Ф. 557. Оп. 8.
33. **ГИА ЧР.** Ф. 557. Оп. 9.
34. **ГИА ЧР.** Ф. Р–3. Оп. 1.
35. **ГИА ЧР.** Ф. Р–6. Оп. 3.
36. **ГИА ЧР.** Ф. Р–7. Оп. 1.
37. **ГИА ЧР.** Ф. Р–22. Оп. 1.
38. **ГИА ЧР.** Ф. Р–106. Оп. 1.
39. **ГИА ЧР.** Ф. Р–123. Оп. 1.
40. **ГИА ЧР.** Ф. Р–125. Оп. 4.
41. **ГИА ЧР.** Ф. Р–152. Оп. 1.
42. **ГИА ЧР.** Ф. Р–170. Оп. 1.
43. **ГИА ЧР.** Ф. Р–194. Оп. 1.
44. **ГИА ЧР.** Ф. Р–238. Оп. 1.
45. **ГИА ЧР.** Ф. Р–238. Оп. 2.
46. **ГИА ЧР.** Ф. Р–243. Оп. 1.
47. **ГИА ЧР.** Ф. Р–244. Оп. 1.
48. **ГИА ЧР.** Ф. Р–300. Оп. 1.
49. **ГИА ЧР.** Ф. Р–599. Оп. 1.
50. **ГИА ЧР.** Ф. Р–611. Оп. 1.
51. **ГИА ЧР.** Ф. Р–749. Оп. 1.
52. **ГИА ЧР.** Ф. Р–784. Оп. 1.

53. ГИА ЧР. Ф. Р-784. Оп. 2.
54. ГИА ЧР. Ф. Р-828. Оп. 5.
55. ГИА ЧР. Ф. Р-1860. Оп. 1.
56. ГИА ЧР. Ф. Р-1992. Оп. 1.
57. ГИА ЧР. Ф. Р-2595. Оп. 1.
58. Государственный общественно-политический архив Нижегородской области (ГОПАНО). Ф. 1. Оп. 1.
59. Денисов П. В. Религия и атеизм чувашского народа. Чебоксары: Чувашское кн. изд-во, 1972. 478 с.
60. Ефимов Е. Л. Процесс формирования педагогической интеллигенции Чувашии в 1917–1941 гг.: проблемы и поиски. Чебоксары: Чуваш. гос. пед. ун-т, 2008. 155 с.
61. Известия Ядринского Совета крестьянских, рабочих и солдатских депутатов. 1918. 5 июля.
62. Икона, которой нет в углу // Капкан. 1934. № 12.
63. История Марийской АССР. Йошкар-Ола: Марийское кн. изд-во, 1987. Т. 2. Эпоха социализма (1917–1987 гг.). 328 с.
64. Каменский Н. Современные остатки языческих обрядов и религиозных верований у чуваш. Казань: Университетская типография, 1879. 39 с.
65. Кознов А. П. Село Сумки: 300 лет жизни (документы, факты, раздумья). Козьмодемьянск: Козьмодемьянская типография, 2010. 244 с.
66. Культурное строительство в Мордовской АССР: сб. док. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1986. Ч. 1. 1917–1941 гг. 396 с.
67. Ленин В. И. Об отношении рабочей партии к религии // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Изд-е 5-е. М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1961. Т. 17. Март 1908 г. – июнь 1909 г. С. 186–187.
68. Лепешинская А., Добрынин Б. Волга. М.: Типография Т-ва И. Д. Сытина, 1911. 279 с.
69. Малов Е. А. О чувашах // Православный собеседник. 1882. Т. 1. С. 40–73.
70. Медведева Л. Я. Большие Ноли: история и судьбы: очерк. Йошкар-Ола: Марийский институт образования, 2010. 124 с.
71. Михайлова Р. В. Особенности духовности российского крестьянства в 20–30-е годы XX века // Художественная культура Чувашии: 20-е годы XX века. Чебоксары: ЧГИГН, 2005. С. 106–123.
72. Москвина Л. П. Марийская национальная интеллигенция в конце XIX – начале XX века. Йошкар-Ола: Марийский институт образования, 2007. 200 с.
73. Научный архив Чувашского государственного института гуманитарных наук (НА ЧГИГН). Отдел I.
74. НА ЧГИГН. Отдел II.
75. Национальный архив Республики Татарстан (НА РТ). Ф. 4. Оп. 148.
76. Неверующих становится больше // Капкан. 1926. № 2.
77. Нелады в Цивильской волости // Знамя революции. 1919. 14 февраля.
78. О порядке проведения в жизнь декрета об отделении церкви от государства и школы от церкви (инструкция): Постановление Народного комиссариата юстиции от 24 августа 1918 г. // Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства РСФСР, издаваемое Народным комиссариатом юстиции (СУ РСФСР). 1918. Отдел первый. № 62. Ст. 685.
79. О порядке регистрации религиозных обществ и выдачи разрешений на созыв съездов таковых: инструкция НКЮ и НКВД РСФСР от 27 апреля 1923 г. // СУ РСФСР. 1923. № 37. Ст. 384.
80. Об отделении церкви от государства и школы от церкви: Декрет СНК РСФСР от 23 января 1918 г. // СУ РСФСР. 1918. № 18. Ст. 263.
81. Общество и власть (1918–1920 гг.): документы уездных съездов Советов Мордовии. Саранск: НИИГН, 2010. Т. 1. 484 с.
82. Общество и власть. Российская провинция / сост. А. А. Кулаков, В. В. Смирнов, Л. П. Колод니кова. М.: Институт российской истории РАН, 2002. Т. 1. 1917 г. – середина 1930-х годов. 640 с.
83. Октябрьская революция и установление Советской власти в Чувашии: сборник документов. Чебоксары: Чувашское гос. изд-во, 1957. 428 с.
84. Очерки истории марийской организации КПСС. Йошкар-Ола: Марийское кн. изд-во, 1968. 484 с.
85. Очерки истории Мордовской АССР. Саранск: Мордовское кн. изд-во, 1961. Т. 2. 544 с.
86. П. Хвалим имя Господне! // Чувашский край. 1922. 1 января.
87. Петров Н. М., Валиуллина В. А., Афанасьева А. П. Яндашево: исторический очерк. Кугеси: Кугеский издательский дом, 2002. 148 с.
88. Разинов В. К. От коммуны до колхоза // Незабываемые годы. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1967. С. 273–278.
89. Религиозно-нравственное состояние инородцев Казанской епархии и миссионерская деятельность среди них за 1909 г. Казань: Центральная типография, 1910. 35 с.
90. Религиозный вопрос в деревне // Революция и церковь. 1919. № 2.
91. С. М. Чувашское почитание икон // Сотрудник Братства Свят. Гурия. 1910. 9 октября. С. 783–784.
92. Свет Великого Октября: Марийская АССР за 50 лет Советской власти. Йошкар-Ола: Марийское кн. изд-во, 1967. 26 с.
93. Седойкин П. П. Повествование о мордовском народе. Напольное: Мордовский культурный центр Чувашской Республики, 1995. 74 с.
94. Смелов В. Нечто о чувашских языческих верованиях и обычаях // Известия по Казанской епархии. 1880. № 20. С. 528–543.
95. Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. 1918–1939 гг.: документы и материалы / под ред. А. Береловича, В. Данилова. М.: РОССПЭН, 2000. Т. 1. 1918–1922 гг. 864 с.
96. Таймасов Л. А., Николаев Г. А. Деформация этноидентичности народов Среднего Поволжья под воздействием ислама и христианства в период царизма // Крестьянство в российских трансформациях: исторический опыт и современность: материалы III всероссийской (XI межрегиональной) конференции историков-аграрников Среднего Поволжья (г. Ижевск, 17–19 октября 2010 г.). Ижевск, 2010. С. 434–436.
97. Терентьев А. И. Чебоксары и чебоксарцы. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1992. 224 с.
98. Теттенборн З. Законодательство о браке и семье // Власть Советов. 1923. № 8–9. С. 21–27.
99. Установление Советской власти в Марийском крае: сб. док-тов. Йошкар-Ола: Марийское кн. изд-во, 1970. 182 с.

100. **Хлебников А. В.** Образование и развитие Советской автономии марийского народа. 1917–1929 гг. Йошкар-Ола: Марийское кн. изд-во, 1970. 270 с.
101. **Центральный государственный архив историко-политической документации Республики Татарстан** (ЦГА ИПД РТ). Ф. 868. Оп. 1.
102. **ЦГА ИПД РТ.** Ф. 1223. Оп. 1.
103. **Чувашская энциклопедия.** Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2009. Т. 3. М–Се. 688 с.
104. **Шкаровский М. В.** Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве (государственно-церковные отношения в СССР в 1939–1964 годах). М.: Издательство Крутицкого подворья, 2005. 424 с.
105. **Щукин Д. С.** Идеология и практика культурно-просветительской работы на территории Мордовии в 1918–1927 гг. // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2011. № 3. С. 165–178.
106. **Юрченков В. А.** Власть и общество: российская провинция в период социальных катаклизмов 1918–1920 гг. Саранск: НИИГН, 2010. 440 с.

**CHURCH SEPARATION FROM STATE: IMPLEMENTATION OF DECREE
OF COUNCIL OF PEOPLE'S COMMISSARS OF THE RSFSR FROM JANUARY 23, 1918
IN MARI, MORDOVIA AND CHUVASH REGIONS**

Fedor Nikolaevich Kozlov, Ph. D. in History
Department of Contemporary History of Peoples of Russia
Mordvinian State University named after N. P. Ogarev
fedor1977@yandex.ru

The author considers the implementation of one aspect of the Decree of Council of People's Commissars of the RSFSR from January 23, 1918 "On Church Separation from State and School from Church" in three national regions (Mari, Mordovia and Chuvash), and analyzes the process progress of Church separation from state, arising problems and the chosen ways of their solution.

Key words and phrases: Russian Orthodox Church; Church separation from state; civil metrication; religious marriage; icons seizure; liquidation of Church institution as legal entity.

УДК 321

Политология

Использование государственных корпораций как политико-государственного инструментария регулирования экономики в постсоветской России является предметом политической дискуссии. В статье рассматриваются политические аспекты создания, функционирования и результативности российских государственных корпораций, анализируются проблемы реализации данных политико-государственных механизмов регулирования экономики, имеющие политическую природу.

Ключевые слова и фразы: государство; государственные корпорации; экономика; государственная экономическая политика; государственная собственность; политико-государственные механизмы; политико-организационные механизмы.

Гузель Анисовна Колобова, к.ю.н., доцент
Кафедра гражданского права и процесса
Башкирская академия государственной службы и управления
при Президенте Республики Башкортостан, г. Уфа
guzel_kolobova@mail.ru

**ГОСУДАРСТВЕННЫЕ КОРПОРАЦИИ КАК ПОЛИТИКО-ГОСУДАРСТВЕННЫЕ
МЕХАНИЗМЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ[©]**

Российские государственные корпорации (далее – ГК) создавались по «наиболее чувствительным для государства направлениям» [10], причём 6 корпораций (Банк развития и внешнеэкономической деятельности, Российская корпорация нанотехнологий, Фонд содействия реформированию ЖКХ, Олимпстрой, Ростехнологии, Росатом) были созданы в сжатые сроки – с мая по декабрь 2007 года.

Образование ГК преследовало разные цели, каждая ГК уникальна по своему предназначению. Анализ показывает, что российские ГК значительно различаются по сфере деятельности, наличию властных полномочий, задачам, функциям, имущественному положению, управляющей структуре, срокам функционирования и др.

Объединяющей характеристикой ГК является политическая мотивация их создания. Мы согласны с точкой зрения Я. Паппе: ГК создаются там, где есть задача, которая воспринимается властью как значимая [Цит. по: 19]. В качестве мотивов государственного побуждения к созданию ГК в научной литературе указываются: введение контроля над стратегически важными отраслями экономики, создание инструментов модернизации, оптимизация